

Независимая газета — 1992. — Зонт. — С. 5.

«СИБИРИАДА» ВЛАДИМИРА МУКУСЕВА

Свой среди чужих, чужой среди своих

Ирина
Петровская

Портрет

— **В**ЛАДИМИР, когда я договаривалась с вами по телефону об интервью, вы как-то обреченно сказали: «Давайте попробуем. Только вряд ли получится».

— За эти два года, что я не работаю в «Останкино», у меня брали интервью не менее двух десятков журналистов из самых разных изданий. И только два или три материала дошли до газетной полосы. Все остальные были сняты из номеров. И ужасно не то, что Мукусева не показывают, не печатают, а то, что до сих пор существует система запретов, табу. По-прежнему все сильно телефонное право. Поэтому я и не думаю, что у нас с вами что-нибудь получится.

— Мне кажется, вы преувеличиваете. Или вам морочат голову. К тому же я совсем недавно видела вас в программе «Большая прогулка» — по первому каналу ТВ.

— Показательный пример. В Новосибирске телекомпанией НТН было подготовлено 15-минутный сюжет о моей нынешней работе. В итоге большая часть была вырезана за предлогом «Останкино» Г. Шевелевым, и остались жалкие две минуты — ни о чем. Кстати, это тот самый Шевелев, который в свое время курировал «Взгляд», резал и убивал его. На телевидении за прошедший год ничего не изменилось — им руководят те же люди, против которых я выступал в «огоньковском» интервью в начале 91-го года (после чего был вынужден уйти с ЦТ).

— Вы не правы. На ТВ много новых людей.

— А старых еще больше. Если Яковлев, придя на ТВ, не разогнал тех, кто по команде Старой площади губил передачи и людей в течение многих лет, значит, либо он сам из них, либо бессилен перед Системой, что более вероятно. Большая ошибка считать, что он чем-то на ТВ руководит, ведет этот паровоз. Ведут его другие, в том числе Шевелев. Из-за него я в 40 лет получил микроинфаркт — после того как во

«Взгляде» прошел мой сюжет о любви грузинского мальчика и русской девочки и об отчаянном сопротивлении их союзу со стороны родственников мальчика. Был страшный шум на уровне ЦК партии: приехали посланники Патишвили, потребовали публичного извинения.

— За что?

— За то, что мы посмели лишь намекнуть: в Грузии существует национализм, не все так страстно любят русских, как принято считать. Тогда и за намек били, сейчас же впору кричать о геноциде русских повсюду. Потом Любимов и Захаров извинялись за меня во «Взгляде», я был на два месяца лишен эфира. А сегодня те же люди, что оскорбляли, доводили до инфарктов и инсультов, продолжают руководить якобы перестроившимся ТВ.

— Ладно, «Останкино» вам не нравится. Но есть еще Российское ТВ.

— Это вообще полный провал. Они же держатся за счет одной единственной программы — «Вести»! Потому я и не хочу ни на то, ни на это ТВ, я, проработавший там 20 лет!

— Не хотите или не зовут?

— ...Я бесконечно страдаю от того, что оказался вне телевидения. Даже не предполагал, какая это пытка. Я понимаю, что начинаю терять форму, чувствую, когда смотрю некоторые передачи, что уже не смогу так, как этот или как тот. Это ужасно. Ну разве там много хороших передач? Что, мне там места не нашлось бы? Сколько я смогу еще в Сибирь ездить?

— Кстати, что это за «Сибиряда» Мукусева?

— Этой историей два года. Когда я ушел с ЦТ, то оказался не у дел. Мне позвонили из Новосибирска представители независимой ассоциации телекомпаний Сибири и Дальнего Востока и предложили приехать для серьезного разговора. Я поехал. Мне объяснили: есть бытовая ТВ-камера, есть советская монтажная аппаратура, есть комната, оборудованная под студию, есть новосибирский эфир, а главное — существует целая сеть кабельного ТВ Зауралья, объединяющая около двух десятков городов. Мне предложили быть и автором, и ведущим, и режиссером, и оператором собственного «Взгляда».

— И вы переехали в Новоси-

бирск?

— Нет. В названии «Взгляд» из Новосибирска есть определенное лукавство. Передача не о Сибири — ее лишь показывают там. А снимаю я ее всюду, где бываю как депутат: в Карабахе, Южной Осетии, в Москве... За два года вышло девять передач по четыре часа. Моя аудитория в Сибири — примерно 20 миллионов человек. Каким-то образом кассеты попадают и в Прибалтику, и в Поволжье, и в другие регионы.

— О чем ваши передачи?

— Обо всем, что сегодня волнует людей: о политике, об армии, об экономической реформе. Одна из последних передач называлась «Приватизация: за и против». Она впервые шла в прямом эфире. Ко мне в Новосибирск приехали Василий Селюнин, Борис Пинскер, председатель Моссовета Николай Гончар, вице-премьер Владимир Шумейко.

— Официальный «Взгляд» умер, да здравствует «Взгляд» из Новосибирска?

— «Взгляд» из Новосибирска — это капля в море. Он не в состоянии сделать то, что должны бы делать две государственные компании: объяснять людям смысл того, что происходит в стране. Потребность в этом — колоссальная. В том, что люди не понимают, чего хотят нынешнее правительство, что они свое правительство не знают, не слышат и не видят, виновато прежде всего ТВ. А место, которое занимал «Взгляд», никем не занято.

— Но люди устали от политики. «Взгляд» потому и умер естественной смертью, что перестал отвечать общественной потребности. Во всяком случае — так говорят.

— «Взгляд» спутствовал перестройке, был ее отражением на ТВ. Перестройка умерла как факт нашей жизни, и вслед за ней скончался «Взгляд». Но сегодня совершенно необходима пост-«Взгляд» как взгляд на власть: нельзя давать новой власти жиреть. И вот такая острая, жесткая, значимая передача в прямом эфире на всю страну, какой был наш «Взгляд», очень нужна и сейчас. Но, боюсь, нынешней власти телевидение как интеллектуальная оппозиция — ни к чему. Когда говорят, что у власти демократы, я всегда прошу: покажите мне хоть одного,

я хочу его знать.

— Я знаю: Мукусев. Он тоже у власти, он народный депутат России.

— Только очень наивный или очень неумный депутат может сегодня всерьез сказать: я власть! Если бы вы пришли ко мне в Белый дом, я бы показал вам переписку, которую веду два года. Вы бы почитали, как со мной, депутатом, общаются организации, вроде бы подотчетные мне. Какой это хамский, презрительный тон! Два миллиона избирателей проголосовали за меня. Чем я отличаюсь перед ними? Ну, двоих от «стенки» спас, ну, две сотни квартир выбил, ну, помирим мы две деревни — азербайджанскую и армянскую в Карабахе! Ко мне до сих пор обращаются не как к депутату, а как к журналисту «Взгляда».

— Смотрите, что получается: все — и власть, и руководители двух телекомпаний, и ваши бывшие коллеги — никуда не годятся. Один вы — правильный, хороший. Но ведь так не бывает. Вы по-прежнему считаете, к примеру, что были правы, когда в интервью «Огоньку» рассказали о внутренних расприх во «Взгляде», после чего от вас отвернулись коллеги и вы были вынуждены уйти с ЦТ?

— Себя я сужу еще более жестко, чем всех остальных. Я настолько фанатично был предан «Взгляду» и телевидению, что мне казалось: весь остальной мир крутится вокруг нас. Внутренние наши распри я представлял как вселенское горе: «Взгляд» гниет изнутри. Караул! Все это должно было остаться за экраном и вне интервью. Я потрянул не слишком свежей простыней. Это меня до сих пор угнетает. Экраном надо было доказывать свою правоту.

— Если интервью будет опубликовано, вы поверите, что никакой блокады Мукусева нет?

— Я буду считать это прорывом блокады. На участке фронта с названием «НГ».